

ИСТОРИЯ

УДК 94 (470.47 «17/1917»
ББК 63.3 (2Рос. Кал)5
Г 71

М.С. Горяев,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Калмыцкого государственного университета, г. Элиста, тел.: +79064373050, e-mail: mergengoryaev@mail.ru

КАЛМЫЦКАЯ СТЕПЬ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 70–90-е гг. XVIII в. (СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ)

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассмотрена политика, проводившаяся Российским государством в отношении Калмыцкого ханства в последней трети XVIII в. На основе архивных материалов прослежены изменения в системе управления Калмыцкой степью Астраханской губернии в заявленный период. Контроль особо состоящих лиц при калмыцком хане переходит в стройно разработанную систему государственного управления Калмыцкой степью – приставство. Этим самым российское правительство путем усиления бюрократических начал в управлении субъектом укрепило свою власть и влияние. Отмечается вовлечение Калмыцкой степи в социально-политическое и экономическое пространство Российской империи. Этому способствовали такие объективные факторы, как геополитическое расширение границ империи и присоединение ряда районов Северного Кавказа, части казахских жузов, развитие нового капиталистического уклада, начало активного освоения юго-востока страны и втягивание Калмыцкой степи Астраханской губернии во всероссийский рынок. Превращение территории калмыцких кочевий во внутренний район России способствовало снятию военного напряжения и привело к прекращению мобилизации военных сил калмыков.

Ключевые слова: Российская империя, хан, калмыцкая степь, приставство, управление.

M.S. Goryaev,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History of Russia Department, Kalmyk State University, Elista, ph.: +79064373050, e-mail: mergengoryaev@mail.ru

THE KALMYK STEPPE OF THE ASTRAKHAN PROVINCE IN THE 1770–1790S (ADMINISTRATION SYSTEM)

Abstract. The paper discusses the policy pursued by the Russian State concerning the Kalmyk Khanate in the last third of the 18th century. On the basis of archival materials, the author shows changes in an administration system of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province during the declared period. Control made by special figures at the Kalmyk Khan turns into the harmonously developed

system of public administration by the Kalmyk steppe: a district police. Thus, the Russian government strengthened its power and influence by increasing the bureaucratic principles in the subject administering. Involvement of the Kalmyk steppe in social, political and economic space of the Russian Empire is noted. This was promoted by such objective factors as geopolitical broadening of borders of the empire and accession of a number of regions of the North Caucasus and part of the Kazakh hordes, development of new capitalist way of life, the beginning of active development of the southeast part of the country and retraction of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province in the Russian market. Transformation of the territory of the Kalmyk camps of nomads into the internal region of Russia promoted removal of military tension and led to the termination of Kalmyk military force mobilization.

Keywords: Russian Empire, Khan, Kalmyk steppe, a district police, administration.

Политические потрясения второй половины XVI – первой половины XVII вв., экономический кризис, проблемы демографического характера, когда при увеличении населения территория кочевий остается неизменной, в Западной Монголии привели к миграции ойратских племен в пределы Сибири. В русских летописях они получили имя калмыки, под которым и вошли в историю.

Однако растущая численность ойратских племен могла привести к проблеме нехватки пастбищ, поэтому верхушка кочевой орды принимает решение о дальнейшем продвижении на запад, и, в конечном итоге, калмыки попадают в междуречье Волги, Дона и Яика.

В результате переговоров между правительством российского государства и кочевой аристократией было принято решение о принесении присяги России и выделении пастбищных угодий для ведения кочевого хозяйства. Таким образом, принятие в начале XVII в. калмыцким народом подданства положило начало введению его в состав российского государства, в связи с чем возникли экономические и политические условия для складывания особой калмыцкой государственности в форме ханства, вассального по отношению к России [1].

Дела по контактам с калмыками были сосредоточены в Посольском приказе, а через сто лет, в результате петровских реформ, отнесены

к Коллегии иностранных дел наряду с уральскими казаками и малороссиянами. На месте общения с калмыцким ханством осуществлял астраханский обер-комендант, находившийся под непосредственным контролем казанского губернатора. Это вызывало массу проблем, и в 1719 г. полномочия казанского губернатора были переданы астраханскому. В дальнейшем русское правительство стало поручать астраханскому губернатору вести дела, связанные с Калмыцким ханством [2; 9, 10].

С астраханским губернатором поддерживал контакт и особый полномочный представитель Российской империи, непосредственно находившийся в ставке хана. Главная его задача заключалась в обеспечении безопасности правителя калмыцкого ханства. Со временем он стал принимать активное участие во внутренних делах Калмыцкой степи, контролировать внешние связи с другими государствами и народами, в том числе и разрешение конфликтов, возникавших между калмыками и оседлым населением. Но, пожалуй, одним из самых ответственных поручений от правительства было участие особого полномочного представителя в выборах кандидатов на ханскую должность. Не располагая прямой возможностью, он должен был склонять большинство калмыцкой аристократии к

избранию удобного российскому правительству лица [3; 49].

В начале 1771 года калмыцкий народ оказался разделенным в результате эмиграции части калмыков под руководством наместника Убаши из российского государства в пределы Китайской империи, на территорию бывшего Джунгарского ханства. По разным противоречивым источникам, степные пространства Астраханской и других губерний покинуло более 30 тысяч кибиток, или ориентировочно 150–160 тысяч калмыков [4].

В свете вышеуказанных событий правительству Российской империи в срочном порядке с особой гибкостью в тактических приемах по распространению на Калмыцкую степь общеимперских порядков предстояло определить государственный статус калмыцкого народа, обеспечить разрешение жизненно важных вопросов. В связи с этим уже 26 января 1771 г. по распоряжению Коллегии иностранных дел астраханский губернатор генерал-поручик Н.А. Бекетов, упразднив Калмыцкие дела, учредил при своей канцелярии Губернскую канцелярию по экспедиции калмыцких дел и перевел ее из Енотаевской крепости в г. Астрахань [5; 634–641].

Российское правительство из-за сложной политической обстановки в степи, давления старых традиций управления калмыцким народом сохранило принципы единоличной и национальной власти в управлении автономной административно-территориальной единицы. С согласия и при поддержке главы Коллегии иностранных дел графа Н.И. Панина губернатор Н.А. Бекетов выдвинул на пост главы степной автономии российского офицера, дворянина, крещенного нойона, владельца Багацохуровского улуса Алексея Дондукова [6]. Кроме того, претендент происходил из ханского рода – его дедом был Аюка-хан, а отцом – хан Дондук-Омбо, хорошо знал

русский язык, российские и калмыцкие законы. Немаловажную роль в назначении А. Дондукова сыграло и то, что правительство не теряло надежды вернуть ушедших, и преемственность династии Аюки должна была этому способствовать [7; 213].

А. Дондуков должен был обеспечить поддержание «порядка и спокойствия» в улусах, астраханский губернатор же становился посредником между кочевой аристократией и правительством, арбитром в спорах между нойонами-улусовладельцами [8; 323–334].

А. Дондуков, восприняв свое назначение всерьез, развернул бурную деятельность: наряду с мерами по упорядочению обстановки в кочевьях, в частности, по борьбе с барантой (угоном скота) и укрывательством воров, приступил к перераспределению зимних и летних кочевий калмыков, без учета мнения нойонов. От них он требовал полного подчинения, что не могло не вызывать недовольство не только дербетовских, но и торгутовских владельцев. Последние, принадлежа к роду калмыцких ханов, сами не прочь были бы занять место А. Дондукова.

Действия А. Дондукова настроили степных аристократов против него, что заметили в Петербурге [9; 88]. Придя к выводу о невозможности возвращения откочевавших калмыков и беря во внимание тот факт, что оставшаяся малочисленная часть народа перестала играть какую-либо значимую роль в военном деле, императрица приняла решение об упразднении национальной власти. Так, 19 октября 1771 г. вышел именной рескрипт Екатерины II, согласно которому должность «главного в калмыцком народе» А. Дондукова упразднялась, а каждый нойон «собственными своими людьми управлял независимо от других и давал на них суд и расправу по их калмыцким правам и обыкновениям»

[10; 561–570]. Общий надзор и управление калмыцкими кочевьями поручалось астраханскому губернатору, исходя из чего можно без преувеличения констатировать, что власть калмыцких ханов и наместников заменялась единоначалием русских чиновников в лице астраханских губернаторов [11].

Преобразованиям подверглись и исполнительные органы управления калмыцким народом – при астраханской губернской канцелярии была создана Экспедиция калмыцких дел, в улусы под именем «учеников» и «переводчиков» калмыцкого языка направлялись приставы [12]. Воссоздан был суд Зарго, во времена ханства осуществлявший судебный надзор. По составу и своим функциям новое Зарго сильно отличалось от прежнего: состояло не из восьми членов, а из трех – по одному представителю, зайсангу, от наиболее крупных субэтносов калмыцкого народа: дербетов, торгутов, хошутов. Каждое дело предварительно рассматривалось в Зарго и после вынесения заключения передавалось губернатору. Сами же судьи – заргачи – беспрекословно подчинялись указаниям губернатора, имея при этом некоторые элементы гарантии – улусовладельцам запрещалось штрафовать и чинить притеснения им и их родственникам «до первого колена» [13; 43-46]. Кроме того, члены Зарго получали казенное жалование [14; 53].

Изменения происходили и в политико-административном управлении Астраханской губернии. В мае 1785 г. регион входит в состав образованного Кавказского наместничества [15]. Тогда же генерал-губернатор Кавказского и Саратовского наместничеств П.С. Потемкин с целью введения поголовной военной повинности в иррегулярном войске предпринял попытку приписать калмыков к уездам с выделением им земли от Астрахани до Кизляра [16].

В рамках приписки калмыков к уездам в 1788 г. зайсангу Ончику вместе с его аймачными людьми в количестве 400 кибиток было выделено 136,5 тысячи десятин [17; 46]. Правда, впоследствии, отмежеванный участок так и не был окончательно за ними закреплен.

Дальнейшему реформированию подверглись и органы калмыцкого управления: ликвидировался суд Зарго, функции Калмыцкой экспедиции передавались Войсковой канцелярии. Все эти действия вызвали волнения среди кочевого населения Калмыцкой степи, и в 1788 г. новый правитель Кавказского наместничества Л.С. Алексеев отменил новшества в отношении калмыков, Войсковую канцелярию переименовал в Канцелярию калмыцких дел, просуществовавшую до 1797 г., когда в Астрахани было открыто Калмыцкое управление [18].

Предоставляя на первых порах после ликвидации государственности полную свободу действий калмыцким улусовладельцам в отношении подвластных, правительство не отступало от своей цели: в 1786 г. появился проект о преобразовании управления Калмыцкой степью на началах губернского управления, в связи с чем предполагалось всех калмыков обложить податью, обязав нести рекрутскую повинность. Спустя два года в правительственных кругах возникла мысль расселить всех калмыков по разным внутренним российским губерниям. К счастью, ее претворению в жизнь помешало известие о намерении ушедшей части калмыцкого народа вернуться назад в Россию [19; 65].

Таким образом, взятый российским правительством еще в период существования ханства курс на усиление надзора за Калмыцкой степью постепенно проникал во все сферы социально-политической и хозяйственной жизни ее населения. Со временем контроль особо состоящих лиц при калмыцком хане

вылился в стройно разработанную систему государственного управления Калмыцкой степью – приставство. Перемены данного характера вполне соответствовали стремлению российского правительства укрепить свою власть и влияние на национальных окраинах страны путем усиления бюрократических начал в управлении ими, и приставство как система оказалось наиболее приемлемой формой в подчинении их общегосударственным порядкам.

Примечания:

1. Котвич В.Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII–XVIII вв. // Известия Российской академии наук. Пг., 1919. № 12–15. С. 791; Батыров В.В., Горяев М.С., Команджаев А.Н., Команджаев Е.А. Изменения в системе управления Калмыкией в конце XVIII – начале XX века. Элиста, 2014. С. 40.
2. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. Р–71. Оп. 1. Д. 230. Лл. 9–10.
3. Бурчинова Л.С. Калмыкия в системе государственного управления России // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. Элиста, 1985. С. 49.
4. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. Т. 1. С. 120; Чимитдоржиев Ш.Б. О перекочевке ойратов (калмыков) в XVII–XVIII вв. «Торгоутовский побег» 1771 г. // Исследования по истории и культуре монголов. Новосибирск, 1989. С. 56.
5. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 119. Оп. 2, 1771–1772. Лл. 634–641.
6. Там же. Лл. 547–549; НАРК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 35. Лл. 197–198.
7. НАРК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 12. Л. 213.
8. Там же. Лл. 323–334.
9. Карагодин А.И. Хозяйство и общественно-политический строй приволжских калмыков в последней трети XVIII – первой половине XIX в. Запорожье, 1988. С. 88.
10. АВПРИ. Ф. 119. Оп. 2, 1771–1772. Лл. 561–570.
11. Там же. НАРК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 36. Л. 282 и об.
12. НАРК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 127. Л. 13 об. Очерки истории ... С. 221.
13. АВПРИ. Ф. 119, 1771–1772. Оп. 2. Лл. 43–46.
14. Горяев М.С. Калмыкия в составе Российской империи: особенности социально-экономического и политического положения (1771–1825 гг.). Элиста, 2009. С. 53.
15. НАРК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 243. Лл. 2, 5–6 – об; Там же. Д. 207. Л. 7 об.
16. Шовунов К.П. К вопросу о земельной политике царизма в калмыцких казачьих поселениях (XVIII – первой половине XIX в.) // Проблема аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1982. С. 24–41.
17. Горяев М.С. Вовлечение Калмыкии в общественно-экономическую систему Российской империи (последняя треть XVIII – конец XIX века). Элиста, 2013. С. 46.
18. НАРК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 243. Лл. 2, 5–6 об; Д. 207. Л. 7 об.
19. Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки. СПб., 1846. Т. 47, № 8. С. 65.

References:

1. Kotvich V.L. Russian archival documents on Relations with the Oirats in the XVII–XVIII centuries // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Pg., 1919. No. 12–15. P. 791; Batyrov V.V., Goryaev M.S., Komandzhaev A.N.,

- Komandzhaev E.A. Changes in the management of Kalmykia in the late XVIII – early XX century. Elista, 2014. 40 pp.
2. The National Archives of the Republic of Kalmykia (hereinafter – NARK). F. R-71. Op. 1. D. 230. Ll. 9–10.
  3. Burchinova L.S. Kalmykia in the system of the Russian government // Kalmyk people's voluntary joining of Russia: historical roots and meaning. Elista, 1985. P. 49.
  4. Sketches of the History of the Kalmyk ASSR. Pre-October period. M., 1967. V. 1. P. 120; Chimitdorzhiev Sh.B. On the migrations of the Oirats (Kalmyks) in the XVII–XVIII centuries. “Torgoutovsky escape” 1771 // Research on the history and culture of the Mongols. Novosibirsk, 1989. P. 56.
  5. Archives of Foreign Policy of the Russian Empire (hereinafter – AVPRI). F. 119. Op. 2, 1771–1772. Ll. 634–641.
  6. Ibid. Ll. 547–549; NARK. F. 35. Op. 1. D. 35. Ll. 197–198.
  7. NARK. F. 35. Op.1. D. 12. L. 213.
  8. Ibid. P. 323–334.
  9. Karagodin A.I. Economy and socio-political system of the Volga Kalmyks in the last third of the XVIII – first half of the XIX century. Zaporozhye, 1988. 88 pp.
  10. AVPRI. F. 119. Op. 2, 1771–1772. Ll. 561–570.
  11. Ibid. NARK. F. 35. Op.1. D. 36. L. 282 and ob.
  12. NARK. F. 7. Op. 4. D. 127. L. 13 ob. Sketches of the History ... P. 221.
  13. AVPRI. F. 119, 1771–1772. Op. 2. Ll. 43–46.
  14. Goryaev M.S. Kalmykia in the Russian Empire: features of the socio-economic and political situation (1771–1825). Elista, 2009. P. 53.
  15. NARK. F. 34. Op. 1. D. 243. Ll. 2, 5-6 –ob.; Ibid. D. 207. L. 7 ob.
  16. Shovunov K.P. On the issue of the land policy of tsarism in Kalmyk Cossack settlements (the XVIII – first half of the XIX century) // The problem of agrarian history of pre-revolutionary Kalmykia. Elista, 1982. P. 24–41.
  17. Goryaev M.S. Involvement of Kalmykia in the socio-economic system of the Russian Empire (the last third of the XVIII – the end of the XIX century). Elista, 2013. 46 pp.
  18. NARK. F. 34. Op.1. D. 243. Ll. 2, ob. 5–6; D. 207. L. 7 ob.
  19. Byuler F.A. Nomadic and sedentary foreigners of the Astrakhan province. Their history and real life // Notes on the Fatherland. SPb., 1846. V. 47, No. 8. P. 65.